

Милая.
Настоящая.
Искренняя

Альманах современной литературы

3\2026

Альманах
Екатерина Николаева
Живая. Настоящая.
Искренняя. Выпуск 3/2026
Серия «Альманах
современной литературы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74679381

Живая. Настоящая. Искренняя : альманах современной литературы.

Выпуск 3 / сост. Екатерина Николаева: Четыре; СПб; 2026

ISBN 978-5-908132-18-3

Аннотация

Литература бывает разной, но по-настоящему ценной становится лишь тогда, когда в ней пульсирует сама жизнь, лишённая фальши и масок. Именно такую словесность открывает читателю альманах «Живая. Настоящая. Искренняя». Он предлагает объёмный, панорамный взгляд на текущий литературный процесс. Читатель найдёт здесь прозу, которая исследует человеческую душу, заставляя сопереживать каждому герою, и поэтические произведения, поражающие ритмической и смысловой зрелостью. Нашлось здесь место и для бесед с самими авторами, и для обзоров их книг.

Альманах создан для тех, кто ищет в чтении не секундное развлечение, а подлинный интеллектуальный и духовный опыт, возвращающий слову его первоизданную силу.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Живое перо (Художественный раздел)	7
Natalion	7
«Обаяние личности...»	8
Что наша жизнь	9
Перед Иконой Иверской Божьей Матери	11
«К сожалению, так бывает...»	12
Я не хватаю с неба звёзд	13
Олег Агранянц	15
На швейцарском направлении всё спокойно	16
На грани войны со Швейцарией	16
Господин посланник Швейцарии	17
выражает решительный протест	
Похороны и аврал	18
Обратитесь к Громыко	19
Бурные часы в Шереметьево	20
Похороны Брежнева	22
О Кастро	25
На кухне вместе с министром	25
иностраннных дел Швейцарии	
Мужская солидарность	26
Как важно вовремя найти подходящего	28
алкоголика	
Премьер-министр бессилен	29

Наталья Бабочкина	31
Август	32
Жить легко	33
Благословляю	34
Вера	35
Погасший свет	35
«До» и «после»	36
Учись у счастливых	37
Не уговаривайте лето	38
Наталья Базалицкая	39
Шаман-камень	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Живая. Настоящая. Искренняя. Выпуск 3/2026

© Издательство «Четыре», 2026

Живое перо (Художественный раздел)

Natalion

Человек с многогранной судьбой, чей творческий путь начался в зрелом возрасте, вобрав в себя всю мудрость и богатый жизненный опыт. Родившись в Новочеркасске, ребёнком переехала в Москву, где и живёт по сей день. Получив отличное образование (школа-лаборатория при Академии педагогических наук и ВЗМИ), Наталья посвятила годы работе в сфере науки и техники, пройдя путь от конструктора до испытателя.

Удостоена звания «Ветеран труда». Эпоха 1990-х раскрыла в ней предпринимательскую жилку, проявившуюся в ведении собственного бизнеса. На заслуженном отдыхе для Натальи открылась новая страница – страсть к слову. Начав с мемуаров в соцсетях, она обнаружила в себе поэтический дар. Сегодня её творчество находит отклик у читателей, открывая миру автора с интересной судьбой.

«Обаяние личности...»

Обаяние личности

Даёт повод к раздорам,
Если зависть не вытравить,
Прорастёт и сквозь совесть.
Разбирая по косточкам
Невесомое Чудо,
Жаба душил завистников,
Не умеющих думать.

Для души нежной, чуткой
Озарением стала
Цветомузыка чувства,
Что любовью дышала.
Счастьем светятся лица
От желанья делиться
Настроением и радостью,
И жизнь кажется сладостной,
И им жалко убогих,
Кого мучает жаба.
Надо ж было родиться
С энергетикой гада?!
Они сами страдают
От характеров гнусных,
Против воли желая бед
Виновникам злостным.
Если б бедная жаба
Превратилась в царевну,
Мы забыли б про зависть —
Порождение скверны.

Что наша жизнь

Что наша жизнь,
Когда сердца устали
В бессмысленной борьбе
Со злом за идеалы?!

Что наша жизнь для мира звёзд,
Ведь малый космос в нас пророс.
Семь нот от счастья поёт,
Космическая музыка живёт.

Что наша жизнь в Глазах Творца,
Миг, им подаренный с перста,
А дальше новая звезда
В созвездье Девы иль Тельца.

Или для душ есть чёрный ход,
Законов нарушая свод,
В итоге Чёрная Дыра
Поглотит Души без следа.

Что наша жизнь, чья-то игра,
Где ставки выше бытия?!
А голограмма – наша тень,
Вращает некто карусель.

Что наша Жизнь, где ДНК и кровь
Ведут разумный диалог?!
Предсказан квантовый скачок,
И потому в науке шок.

Что наша Жизнь в глазах людей?!
Для близких – тяжесть от потерь,
А для других бесследный шлейф,

Если не виден славы след.

Что наша Жизнь для нас самих?!
Итог печальный или свет зарниц?!
Когда стоишь ты у черты,
Открыты помыслы Души.

Что наша Жизнь в глазах твоих,
Когда в груди огонь горит?!
Они сияют ярче звёзд,
И наша Жизнь – это Любовь.

Перед Иконой Иверской Божьей Матери

Когда смотрю в Глаза твои,
Печальные и грустные,
То вижу боль Отчизны всей,
Всей правды, но невысказанной.

Твои Глаза, как гладь озёр, —
Прозрачные и чистые,
Но утопает в них укор
От жизни мрачной, выстраданной.

Ничто не передаст тоску
Так откровенно искренне,
Как эти дивные Глаза —

Души мерило истинное.
Боюсь смотреть в твои Глаза,
Печальные и грустные,
Когда нежданная слеза
Сверкнёт лучом неистовым.

Безумен мир в твоих Глазах,
Ты – Мать, Всевышним призвана,
Тебя должны мы охранять,
Как Светоч веры истинной.

Когда смотрю в твои Глаза,
А в них – невыплаканный океан,
То Свет души, что Богом дан,
Укажет путь любви без драм.

«К сожаленью, так бывает...»

К сожаленью, так бывает,
Слишком планка высока,
Идеалов не бывает,
Но их требует душа.

И в погоне за их тенью
Отмеряются года,
И уже не до веселья,
Жизнь промчалась как стрела.

Что есть Жизнь на самом деле —
Сон, игра или обман?!
Ты поймёшь это в конце лишь,
Когда криз нарушит план...
Бег за призраками счастья
Сулит беды и ненастье.
Но эмоций не унять —
Суть ошибок не понять.

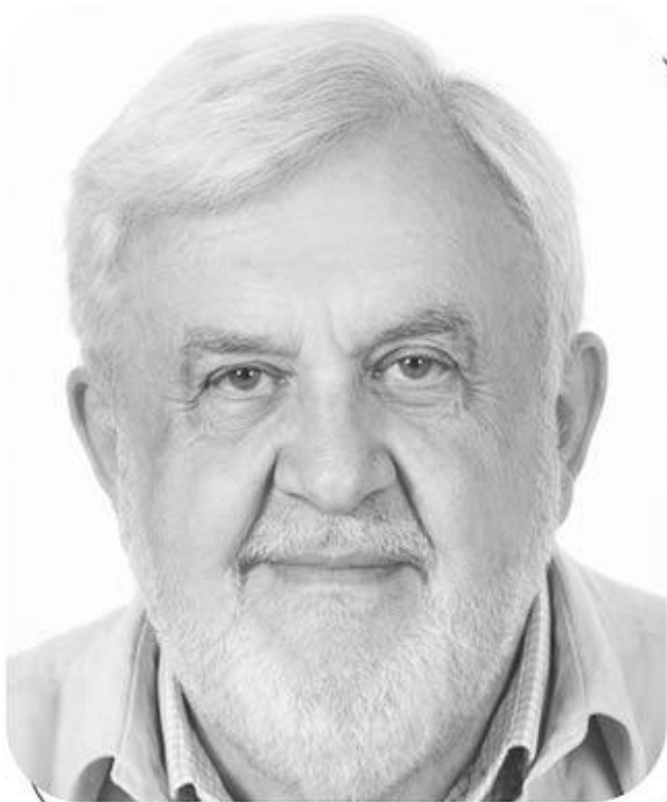
Счастье каждому по силам,
Если Разум с Сердцем милым
Петь умеют в унисон
И добром наполнен дом.

Я не хватаю с неба звёзд

Я не хватаю с неба звёзд,
А наслаждаюсь их сияньем.
Мне в этой жизни повезло —
Соприкоснуться с ними руками.
Они вторую дарят жизнь
Блуждающим во мраке
И помогают осознать смысл
Жизни и задачи.
В науке шквал,
Открыли квант, нам выпал шанс

Поймать карт-бланш,
Чтоб мир и счастье возродить,
Надо любовью всех лечить.
Сложней задачи не найти,
Другого к цели нет пути.
Но с верой легче путь пройти,
Преграды легче обойти.

Олег Агранянц

Олег Агранянц – писатель с редкой судьбой, в которой

большая история переплелась с личным творческим опытом. Родившийся в Москве в 1935 году в семье балерины и поэта, автора гимна столицы, он с юности был окружён атмосферой искусства и слова. Получив блестящее образование и много лет работая в разных странах мира, Агранянц сохранил главное – внимательный взгляд на человека, его характер, поступки и тайны времени. Этот взгляд стал основой его книг, изданных на английском и русском языках в США, Канаде, России, Украине и в Лондоне. В его прозе соединяются память, наблюдательность, драматизм и тонкая ирония. Сегодня автор работает над книгой воспоминаний «Этот далёкий, далёкий двадцатый век» – живой галереей человеческих судеб и эпох.

На швейцарском направлении всё спокойно

На грани войны со Швейцарией

В последние брежневские годы я руководил швейцарским направлением в Первом европейском отделе МИДа, то есть служил «старшим по Швейцарии». Никаких серьёзных проблем со Швейцарией у нас не было. Интересно было читать секретные архивные материалы. Например, заявления советских дипломатов о том, что «миролюбивые устремления

господина Гитлера хорошо известны и полностью поддерживаются всем прогрессивным человечеством». Интересны папки, в которых хранились документы, связанные с убийством в Швейцарии В. Воровского.

Принимал я швейцарцев в кабинете какого-нибудь заместителя заведующего отделом. Однажды запросился ко мне на приём посол К. Фриче. На этот раз все кабинеты были заняты, и я повёл его к себе. К счастью, по дороге меня встретила секретарь Галя и сказала, что освобовился кабинет заведующего. Я повёл швейцарца туда.

Я сказал: «К счастью», и действительно – к счастью. Когда я вернулся к себе, то с ужасом увидел, что шутники изрисовали висящую над моим столом карту Швейцарии синим и красным карандашами, изображая удары наступающей армии и оборону противника. Что бы было, если бы это увидел швейцарец, человек, совершенно не понимающий юмора?!

Господин посланник Швейцарии выражает решительный протест

Время от времени западные дипломаты по поручению своих правительств посещали МИД и «выражали беспокойство» по поводу нападков на Солженицына или Сахарова.

Однажды посланник Швейцарской Конфедерации господин Турнхеер ознакомил меня с меморандумом своего правительства в отношении академика Сахарова. Человеком он

был осторожным, меньше всего желающим конфликтов, и высказал он «беспокойство» швейцарского правительства мягко, нерешительно, как бы извиняясь. «Я понимаю, кто такой Сахаров», но «я имею поручение»... и так далее.

Проводив посланника, я вернулся к себе в кабинет и составил запись беседы, где горячим пером написал, что швейцарец «выразил решительный протест» и «швейцарское правительство не может далее оставаться безучастным».

Заместитель заведующего отделом Лёша Глухов недоверчиво качал головой: «Что-то не похоже на швейцарца». Но заведующий отделом А. Адамишин изрёк:

– Здесь так написано. Посему будем считать, что так он и сказал. Пойду пугать Громыку.

Похороны и аврал

Умер Л. Брежнев, и министерство залихорадило.

Накануне дня массового прилёта иностранных делегаций я встретил в коридоре на седьмом этаже своего приятеля, заместителя заведующего протокольным отделом Антона Палюру, и тот мне поведал:

– Будет большой бардак. Везде: в аэропорту, в Колонном зале, на Красной площади. ЦК партии всё взял на себя, наш протокольный отдел практически устранили. А сами они больше, чем с тремя делегациями за раз, никогда дела не имели.

В самом МИДе горячка достигла апогея. У копировальной комнаты толпилась очередь. Будущий посол во многих странах, а тогда третий секретарь умолял Валю, ответственную за копировальную машину, размножить ему бумаги вне очереди. Речь шла о «пролёте» самолёта:

– Через два часа самолёт вице-президента США Буша пересечёт нашу воздушную границу. Если я не подготовлю бумаги, его собьют.

Валя смилостивилась. Я теперь спрашиваю себя: что было бы, если бы она оказалась менее уступчивой?

Обратитесь к Громыко

На похороны Брежнева должны были прибыть делегации почти из ста стран. МИД стоял на ушах. В один из вечеров я дежурил по своему Первому европейскому отделу.

Зазвонил телефон правительственной связи, вертушка.

Звонивший представился:

– Генерал Колобов.

Колобова я знал. Он руководил одним из подразделений КГБ.

– Где расположится прибывший на похороны премьер-министр Бельгии? – спросил он.

– В посольстве Бельгии.

– У нас другое предложение. Ему лучше расположиться в гостинице «Националь».

И дальше генерал стал перечислять преимущества расположения бельгийца в гостинице.

А я знал, в чём причина его озабоченности. Если бы премьер остановился в гостинице, то пинкертонов разместили бы в соседних номерах, они бы изображали из себя туристов, их бы кормили в ресторане, и они отсиживались бы в баре, потребляя напитки за счёт ЦК партии. А если премьер расположится в посольстве, то им придётся все дни и ночи напролёт дежурить на улице в машинах, припаркованных рядом с посольством.

Генерал продолжал распространяться. Я его остановил:

– Я вас понимаю. Но я не уполномочен принимать решение.

– Куда я должен позвонить?

Я продиктовал номер телефона.

– Кого я должен спросить?

И я спокойно ответил:

– Громыко Андрея Андреевича.

Генерал помолчал, потом после сухого «спасибо» повесил трубку.

Потом мы смеялись всем отделом.

Бурные часы в Шереметьево

Большого беспорядка и неразберихи, чем в аэропорту Шереметьево во время встречи иностранных делегаций, приле-

тевших на похороны Брежнева, я не видел никогда.

К счастью, я имел дело со швейцарцами, а народ они аккуратный и дисциплинированный. Посол К. Фриче беспрекословно выполнил всё, о чём я его просил. Ровно в два часа дня он подъехал на своём «мерседесе» к МИДу. За рулём сидела только что приехавшая дама, новый советник-посланник. Я сел к ним в машину, и мы отправились в Шереметьево.

Зал для встречи гостей в Шереметьево напоминал стадион во время крупных футбольных матчей. В это трудно поверить, но... потеряли единственный экземпляр документа, где были проставлены номера машин, закреплённых за руководителями делегаций. И я видел, как Фидель Кастро, Индира Ганди и другие вполне узнаваемые персоны ждали машин по часу.

Я оставил посланницу в машине, и мы с послом через комнату пограничного контроля проникли в зал прилёта. Там благополучно встретили министра иностранных дел Швейцарии Пьера Обера. По протоколу ему следовало принести соболезнования от имени швейцарского народа. Для этого в Шереметьево дежурил председатель Совета Союза Верховного Совета СССР А. Шитиков, который к тому времени уже был очень солидно навеселе. Когда я подвёл к нему Обера, он практически ничего не соображал. Я развернул его в сторону Обера и объяснил:

– Сейчас швейцарец будет выражать соболезнования.

Шитиков хлопал глазами и произносил непонятные слова.
– Выражайте, – повернулся я к Оберу.

Тот произнёс пару слов.

Шитиков еле успел промямлить нечто похожее на «спасибо», как его развернули в сторону О. Пальме.

Потом мы поехали в Колонный зал. Я предупредил министра, что венок, который он привёз и который у него забрали по прилёте, найти вряд ли удастся, поэтому ему дадут какой-нибудь другой.

Социалист Обер всё понимал и соглашался. Но, к удивлению, Фриче в гряде венков углядел швейцарский крест. Мы вчетвером не без труда вытащили нужный венок, и я понёс его к гробу Брежнева.

Похороны Брежнева

В день похорон следовало прибыть на Красную площадь к восьми тридцати. Но швейцарец есть швейцарец, даже социалист. Мы приехали без десяти восемь. Подошли к кордону из чекистов.

– Это кто? – указывая на меня и Обера, спросил главный у стоящего рядом шефа мидовского протокола Д. Никифорова.

– Оба – главы иностранных делегаций, – ответил Никифоров.

Я удивился: Никифоров отлично меня знал, но, никак не

отреагировав, прошёл дальше вместе с Обером.

Позже я узнал, в чём дело. Оргкомитет по похоронам решил проходить к мавзолею только по одному представителю от государства. Никаких сопровождающих и переводчиков.

Накануне возник скандал из-за делегации Сан-Марино. Светлейшая республика Сан-Марино, старейшая республика на планете – основана 3 сентября 301 года. И с тех пор главами её являются два капитана-регента, избираемые на полгода. Они не имеют права участвовать в каких-либо церемониях поодиночке. Если один из них такое допустит, он автоматически лишается должности. Мидовцы пытались объяснить это чекистам. Бесполезно. Выручил мудрый министр иностранных дел Италии Аминторе Фанфани. Он сказал:

– Идите к Берлингуэру.

Энрико Берлингуэр, генеральный секретарь Итальянской компартии, жил в гостинице ЦК на Сивцевом Вражке. К нему отправился наш дипломат, объяснил, в чём дело, и через час пришло распоряжение: пустить двоих.

Гостей из соцстран и глав компартий собрали слева от мавзолея, остальных справа. Было очень тесно. Лица все были знакомые. Строгие мужчины и две дамы – Индира Ганди и Имельда Маркос, жена президента Филиппин.

– Смотрите, – сказал Пальме Оберу. – Ганди вот-вот окажется рядом с Зия-уль-Хаком.

Это было немыслимо: руководители находящихся в состо-

янии войны Индии и Пакистана рядом.

– Лучше всех мне, – веселился Обер. – У Швейцарии дипломатические отношения со всеми государствами.

– Неправда, – вмешался я. – Есть то, с которым у вас нет дипломатических отношений.

Обер отлично понимал юмор и с показным негодованием обратился к Пальме.

– Это смешно. Это он говорит мне, министру иностранных дел.

– Могу поспорить, – не отставал я. – Смотрите.

И показал на Переса де Куэльяра, Генерального секретаря ООН. Тогда Швейцария не была членом ООН.

Окружающие засмеялись, а Обер комично развёл руками:

– Пора вступать в ООН.

Начались речи.

В группе иностранных гостей оказалось только двое, кто говорил по-русски: я и неизвестно как туда попавший посол Италии в СССР А. Минелло. Он учился вместе с Бушем, теперь стоял рядом с ним и его женой. Ту пропустили в порядке исключения. Около меня сгруппировались все франкоговорящие, около Минелло – англоязычные. Так мы вдвоём и переводили всю церемонию.

Через несколько дней я встретил в мидовском коридоре Никифорова:

– Только тебя смог выдать за иностранца. Из-за твоей бороды. Представляешь: объяснял, что нужны переводчики, и

ничего не получилось.

О Кастро

Не могу удержаться, чтобы не рассказать о Фиделе Кастро. Заранее прошу детей до 18 лет и впечатлительных женщин воздержаться от чтения следующих двух абзацев.

В МИДе упорно ходили слухи о том, что у Фиделя проблемы с основным мужским достоинством.

Во время похорон Брежнева после долгого стояния на холоде почётные гости и переводчики ринулись в тёплый туалет. Я оказался рядом с Фиделем. И теперь могу авторитетно заявить, что вышеприведённые слухи – это происки империалистов, стремящихся очернить лидера кубинской революции... в глазах женщин.

На кухне вместе с министром иностранных дел Швейцарии

После церемонии мы с Обером отправились в швейцарское посольство. Там, кроме дежурного, никого.

– Я хочу есть. Где здесь кухня? – спросил Обер дежурного.

И мы отправились на кухню. Обер начал хозяйничать:

– В конце концов, я министр иностранных дел, и посольство входит в моё хозяйство.

Когда послу доложили, что министр иностранных дел жа-

рит яичницу на посольской кухне, он, не переодеваясь, вскочил в «мерседес» и через полчаса был в посольстве.

Я себе представил, какое было бы выражение лица у советского посла, если бы ему сказали, что на посольской кухне Громыко жарит яичницу.

Позже Фриче спрашивал меня:

– Как он, не очень злился?

– Всё в порядке.

И действительно, всё было в порядке. Мы выпили пару бутылок шампанского и пели песни Брассенса. Оба знали их с пару десятков.

По швейцарским законам президентом Швейцарии становятся по очереди все министры. Обер должен был стать президентом через несколько месяцев и пока считался вице-президентом. После второй бутылки я ему сказал, что он первый глава Швейцарии, посещающий Россию. Потом оказалось, что это неправда. Но многие швейцарские газеты об этом написали.

Через месяц он прислал мне альбом и письмо, где называл меня «другом». В шутку писал, что по моему совету Швейцария вступит в ООН.

Мужская солидарность

Я провожаю Обера в Шереметьево. И вдруг появляется Грета.

Лет десять назад она была студенткой в Центральной комсомольской школе, где я работал деканом. Высокого роста, худобы чрезвычайной, без намёков на бюст, с большими голубыми глазами и светлыми волосами, картинная датчанка, она была очень общительной и свободолобивой. Переводчицей у неё была добрейшая Галя Савченкова. Галя прожила всю блокаду в Ленинграде в доме, соседнем с легендарной Таней Савичевой, и на всю жизнь осталась готовой отдать последнее всем, кто нуждается.

Однажды приходит ко мне Галина и сообщает, что Грета беременна и хочет делать аборт. Делать аборт иностранкам мы не имели права, и я должен был отправить её домой. Но в Дании аборт были запрещены, и Галина начала меня упрашивать. И упростила. Мне пришлось ездить по разным инстанциям. Всё кончилось благополучно.

И вот теперь Грета в Шереметьево. Она подскочила ко мне, расцеловала в губы:

– Я сопровождаю делегацию.

Ярко намалёванные губы и ультракороткая юбка делали её отчаянно вульгарной.

– Ты не забыл, как я делала аборт...

Она хлопала по плечу меня, министра. К моему удивлению, министр понимающе улыбался, а когда Грета ретировалась, заговорщически мне подмигнул.

Как важно вовремя найти подходящего алкоголика

Однажды я получил от посольства Швейцарии гневную ноту на пяти страницах. Швейцарцы негодовали по поводу того, что советская промышленность выпускает наручные часы под маркой «Корнавен» и распространяет их в Южной Америке. Подобная практика, писали швейцарцы, наносит ущерб высокой репутации швейцарских часов, так как Корнавен – название вокзала в Женеве, и люди принимают их за швейцарские. Часы, говорилось в ноте, очень плохого качества, а о том, что они сделаны в СССР, написано только на внутреннем корпусе, куда трудно добраться.

Действительно, лет за десять до этого внешторговцы нашли какого-то спившегося швейцарца по фамилии Корнавен, и он продал им право называть часы его именем. Этим и пользовались почти на законных основаниях.

Надо было отвечать. И я послал ответ, который на министерском жаргоне называется «дурочка». Я отправил ноту, в которой сообщил, что советская сторона с благодарностью принимает критику в адрес завода-изготовителя и что дирекция завода планирует в самое ближайшее время улучшить качество своей продукции.

Через два дня на приёме в бельгийском посольстве ко мне подошёл посол Швейцарии Карл Фриче:

– Мы послали вам ноту совершенно о другом.

– Вы писали о плохом качестве часов?

– Писали.

– Мы вам и ответили. Теперь очередь за вами. Жду вашей следующей ноты.

В дипломатической практике на одну ноту отвечают только одной нотой.

Премьер-министр бессилён

Международная спасательная служба находилась в Швейцарии, и самолёты этой службы летали под швейцарским флагом. А это означало, что если какой-нибудь богатый финн сломал ногу в Сочи или в Алма-Ате и желал срочно вернуться домой, то в конце рабочего дня, где-нибудь без десяти пять, мне звонил посланник господин Турнхеер и елеиным голосом просил разрешения на пролёт самолёта через территорию СССР.

В те годы к пересечению иностранными самолётами границ СССР относились крайне серьёзно. По каждому пролёту необходимо было принимать решение Совета министров за подписью не ниже заместителя председателя Совмина! А чтобы получить такое решение, нужно было заручиться согласием замминистра иностранных дел (это просто: дежурный заместитель министра всегда на месте), зампреда КГБ, замминистра обороны и замначальника войск ПВО (чтобы

не сбили).

И начинают по Москве летать курьеры. Я сижу у вертушки. К десяти часам разрешение получали, и я шёл домой.

Однажды в Совмине по ошибке трубку взял только что назначенный председателем Совета министров Н. Тихонов. Я ему минут пять объяснял, что от него нужно. Внимательно выслушав меня, он спросил:

- Часто такое бывает?
- Раза два в месяц.
- И нельзя упростить процедуру?
- Пробовали – не получилось.
- Тогда ничего не поделаешь.

Наталья Бабочкина

Родилась в Грозном, живёт в Москве. По образованию журналист, литературный редактор. Член СП Москвы, ли-

тературного клуба «Творчество и потенциал», межрегиональной просветительской организации «Объединение православных учёных». Соавтор монографии «Милая сердцу Малеевка». Эта и несколько поэтических книг представлены на «Литрес». Стихи размещает на портале «Стихи.ру». Отмечена многочисленными наградами: орденом «Литературное единство», почётными знаками «Золотое перо русской литературы» и «Литературный Феникс», «Искусство слова», «Восходящее слово», у неё первая степень в номинации «Голос Родины» литературной премии «Человек слова» (2024), Гран-при номинации «О Родине слагаю строки» (2024), Поэт года конкурса «Живое перо поэзии», «Золотое перо» (2024).

Август

Вдоль просёлочной дороги
от дворцов и старых дач
грустный Август босоногий
удаляется, хоть плачь.
Он готов ещё остаться,
задержаться у ворот,
загорать, плескаться, купаться,
но пришёл его черёд.
И бредёт вперёд неспешно
весь в колосьях спелой ржи,
оставляя нас, сердешных...

Ну попробуй, удержи...

Жить легко

Освобождаясь от оков,
надежда в сердце постучится...
Как это славно – жить легко!
Вот только надо научиться
не замечать случайных слов
и отложить навек печали,
и, не ища иных основ,
всегда спокойно спать ночами;
ценить поспешные шаги,
что все сомненья отметают,
раз навсегда сказать: «Не лги!» —
и знать, что это исполняют;
влюбиться раз и навсегда
и не разменивать до срока
все те недолгие года,
что пронесутся ненароком;
держат все данные слова
и дорожить людскою дружбой,
что делит чувства и права
не выгодно, а так, как нужно;
жалеть и близких, и родных,
не опускаясь до обмана,
и добротой любимых книг

и скрыто дорожить, и явно;
иметь сочувствие души
и не бояться им делиться,
покуда жизни виражи
накрутят новые страницы;
освободиться от оков,
что не дают осуществиться...
...Как это славно – жить легко!
Но как непросто научиться...

Благословляю

У каждого начала есть конец.
А за мечту сражения ведутся...
Благословляю искренность сердец,
что не даёт в тумане разминуться.
Раскинулся пред нами мир большой.
Добру и счастьем распахните двери.
Благословляю искренне душой
тех, кто влюблён, и тех, кто свято верит...
Как можно жить, не веря ни в кого?
Лишь жизни равновесие нарушить...
Благословляю веры торжество,
надеждой исцеляющее душу!
Покуда не прервалась жизни нить,
пускай неспешно дни бегут за днями...
Порядочность спешу благословить,

что в доброте нам души сохраняет...

Вера

Всё пройдёт. Океаны мелеют.
Люди, старясь, уходят, болеют.
И обиды растают как дым.
А когда мы вокруг поглядим,
поменяются дни от погоды,
чередуются месяцы, годы.
И надежда растает порой.
Проиграет вчерашний герой.
Заливают дожди через край.
Только веру, прошу, не теряй.
С ней на подвиги шли и на бой.
Нас она не оставит с тобой.
И расправит вдруг плечи герой.
Снова солнце взойдёт над горой.
Стихнет дождь, и болезни пройдут
там, где верят и, веруя, ждут.
Для того нам и вера дана,
чтоб нетленной осталась она...

Погасший свет

Знаешь, ничего грустнее нет,
чем былой любви погасший свет,
чем обрывки отзвучавших фраз,
нас одушевлявшие не раз,
чем прощальный взгляд сквозь даль разлук,
чем печаль сплетённых прежде рук,
чем кивок тому, кто был любим
и кого уж рядом нету с ним...
Знаешь, ничего грустнее нет
отблеска растаявших побед...
Тех надежд угасших благодать
нам уже вовек не испытать.
Счастлив, что любовь твоя была,
даже если навсегда ушла...
Знаешь, ничего грустнее нет,
чем былой любви погасший свет...

«До» и «после»

Ей-богу, не моя вина,
что скоро осень...
Вся наша жизнь поделена
на «до» и «после».
И если «до» мы счастья возле,
а не в финале,
то в каждом «после»
снова жизнь мы начинаем.

Она устроена хитро.
Мы снова верим,
что вековечное добро
не даст потерям
и шанса нас разубедить
назло печалям,
что бесконечна жизни нить...
Начни сначала.
Судьба, прошу, не обмани.
Жду счастье в гости...
...Всю жизнь мы делим наши дни
на «до» и «после».

Учись у счастливых

— Увидимся снова? —
кивну молчаливо.
Лечись у здоровых.
Учись у счастливых.
Припомнив невольно
судьбы своей данность,
гони недовольных,
цени благодарных!
Слепое доверье
нам свойственно, люди!
Цени тех, кто верит!

Прощай тех, кто любит!
С рожденья до тризны
молва говорлива...
Живи своей жизнью.
Учись у счастливых.

Не уговаривайте лето

Былых ошибок винегреты...
Нам от потерь не убежать...
Не уговаривайте лето,
его уже не удержать...
Оно собрало чемоданы,
цветов охапку сжав в руке...
Оно бывало долгожданным.
Теперь же с сумкой налегке
спешит совсем в иные дали,
чтоб возвратиться через год...
А мы его так долго ждали...
Его никто нам не вернёт...
А сколько песен не допето,
и ведь у каждой свой мотив!..
Не уговаривайте лето!
Благодарите, проводив...

Наталья Базалицкая

Музыкант, композитор.

Автор песенных циклов «Романсы на стихи Р. Бёрнса», «У войны недетское лицо», многочисленных детских песен, камерной музыки, музыки для спектаклей.

Поэт, автор шести поэм, лирических и философских произведений, детских стихов.

Окончила НГК им. Глинки. Живёт в Москве.

Шаман-камень

Застилает высокие сопки
Вековая из кедров печаль.
Сохраняет легенд отголоски
Голубая бескрайняя даль...

Здесь шаманы обряды проводят,
Духов предков на помощь зовя.
И в глухие места не заходят
Ни попутчики, ни егеря.

Здесь хранятся легенды и мифы
Богатейшей сибирской земли.
Ведь народы её, как и скифы,
Почитали сказанья свои

О ветрах, бесконечных просторах
И о силе богатырей.

Там Саяны – прекрасные горы
Красотою пленяют своей...

Средь легенд и сказаний Байкала
Выделяется ярко одна:
Как красавица дочка сбежала,
Ненаглядная Ангара...

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.